

Алёна
СКИФ

Папа (не)
В РАЗВОДЕ

КУРС МОЛОДОГО ПАПАШИ

18+

Алёна Скиф

Папа (не) в разводе.

Курс молодого папаши

<https://litres.ru/74514719>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Я четыре года одна, Андрей! Четыре года я тащу этот дом, этих детей, эту жизнь! А ты... ты приезжаешь раз в месяц, пахнешь чужими духами, тискаешь детей пять минут и снова уезжаешь! Ты думаешь, я не знаю про Женю? Ты думаешь, я слепая?

— Юля, нет у меня ничего с Женей! – взмолился я. – Она просто помощница, она ко мне клинья подбивает, а я...

Я накосячил! Жестко и похоже прощения мне нет. Любимая жена поставила мне ультиматум: либо я начинаю вести себя как настоящий отец и становлюсь частью семьи, либо она подает на развод.

Похоже, придется выкручиваться. Надеюсь мои дочери-близняшки помогут мне пережить эти две недели без мамы.

Варя, Вера Бляха муха, как же вас различить?

Содержание

Глава 1. Я полюбила другого.	4
Глава 2. Я четыре года одна, Андрей!	13
Глава 3. Жужечка приехала!	20
Глава 4. Тренируйся Андрей. Это только цветочки.	25
Глава 5. Первый день.	30
Глава 6. Пап, а вы с мамой разведетесь, да?	36
Глава 7. Папа победил дракона!	42
Глава 8. Манная и рисовая.	48
Глава 9. Меня снова развели. Четырехлетки.	55
Глава 10. Ты на папу смотришь, как Жужа на колбасу!	61
Г	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Алёна Скиф

Папа (не) в разводе.

Курс молодого папаши

Глава 1. Я полюбила другого.

– Женя, меня ни с кем не соединять? У меня сейчас будут переговоры с Китаем, – произнес я довольно спокойно по громкой связи и поднялся, чтобы надеть пиджак. Переговоры с важными поставщиками, которые могут обеспечить нас контрактами на весь будущий год.

– Хорошо, Андрей Романович, как скажете, – приятным голоском пропела моя помощница, и я в очередной раз хмыкнул от удовольствия. Какая же она лиса. Красивая, но хитрая жопа. Кстати, жопа у нее и правда красивая. Так бы и помял эти булки в перерыве. Хм... о чем это я? – Может быть кофе принести?

– Давай, но только быстро. У меня всего пять минут.

– Уже бегу, Андрей Романович, – она отключилась.

Я снова сел в кресло, посмотрел на яркую фотографию своей семьи. Жена и дочери-близняшки. Самые близкие и родные мне люди. Юлька улыбается так, что у меня до сих пор сердце заходится, хотя восемь лет вместе. А девчонки...

Вера и Варя. Какие же они лапочки. Надо будет купить им по огромному плюшевому мишке, когда вернусь из командировки.

Люблю их больше жизни и обязательно в этом году буду чаще бывать дома и проводить с ними время. Вот съезжу еще в одну командировку в Китай, а потом еще в Казахстан и вроде как все. И точно... пойду в отпуск. Надоело.

Я откинулся на кресло и посмотрел на часы. До важного звонка оставалось десять минут. Я открыл ноут, настроил видео на проектор (на стене) и положил перед собой документы. Для солидности. На самом деле, я знал все от и до, что там написано. Сам составлял предложение для китайцев, но сейчас что-то нервничал. Может быть потому что контракт этот был на несколько сотен миллионов рублей. Хотя, я продажник от Бога, могу эскимосам лед зимой продать, а тут че-то распереживался.

И тут ни с того ни с сего дверь моего кабинета с грохотом раскрылась.

Обычно Женя стучалась и входила, словно плыла. Знаете, этот ансамбль "Березка", девушки там в платьях длинных движутся, словно парят над полом. Вот и Женька так же умела. А тут дверь как бабахнула об стену, что портрет президента всея Руси чуть не упал, а заодно и моя нервная система рухнула в тартарары.

А дальше начался какой-то ад!

Мои пуговицы, мои кнопочки, девочки-близняшки ворва-

лись в мой кабинет с воплем и начали носиться по нему, словно по детской площадке.

– Папа, папочка! Здравствуй! – верещала одна моя дочь в розовом платье в горошек, бегая вокруг кресла и размахивая какой-то блестящей погремушкой. Откуда у нее погремушка? Ей четыре года!

– Папуля, а где у тебя шоколадные конфеты? – верещала вторая в таком же платье, только горошки были синие (или мне казалось?), запрыгнув на диван и начав подпрыгивать на нем, как на батуте.

Бля... как их различать? Я так и не научился. Просил же Юлю одевать их по-разному. Нееееет! Как будто специально, как будто мне назло, всегда одевает их одинаково. Ты, мол, отец родной, так будь любезен, отличать своих детей.

– Паааап, а пап? А где у тебя тут иглушки? – спросила та, что прыгала на диване. Кажется, Варя. У Веры взгляд хитрее, а эта – ураган.

– Варюш, это рабочий кабинет отца, здесь нет игрушек, – ответил я максимально спокойным голосом, одним глазом поглядывая в раскрытую дверь, пытаюсь увидеть хоть кого-нибудь, кто бы мог меня спасти. Но проем зиял пустотой.

И в этот момент та, что на диване, подпрыгнула особенно сильно и... диван жалобно скрипнул, накренился. У меня сердце в пятки ушло. Это же диван за сто тыщ евро, итальянский, ручная работа!

– Варя! Сядь нормально! – рявкнул я, но было поздно.

Диван устоял, но мои нервы – нет.

Та, что в горошек, тем временем добралась до моего стола и схватила маркер для доски.

– Пап, а можно я на стене полисую? – спросила она, глядя на меня огромными невинными глазами. И, не дожидаясь ответа, начала выводить каракули прямо на моей презентации для китайцев, которая висела на стене рядом с проектором.

Я вскочил.

– Вера! Нет! Положи маркер! Это важные документы! Вера? Варя? Какая разница!

Я метнулся к стене, пытаюсь отнять маркер, но дочь с визгом увернулась и побежала к дивану, где вторая уже нашла пульт от телевизора и смотрела на меня с вопросом:

– Пап, а тут мультики можно? Я хочу Мимимишек!

– Нет! Не нажимай! Там сейчас...

Поздно.

По видеосвязи пошел вызов. Экран мигнул, и вместо Мимимишек на стене появилась заставка видеоконференции. Я замер. Вера (или Варя?) замерла с пультом в руках. Вторая дочь замерла с маркером. Мы все замерли втроем, глядя на экран, где через несколько секунд должна была появиться делегация из Китая.

И тут, в эту идеальную минуту тишины, в кабинет всплыла Женья.

– Андрей Романович, ваш кофе, – пропела она, делая свои

"березковые" шаги, и застыла, увидев картину маслом: я в пиджаке, но без галстука (галстук болтался где-то на плече), две маленькие девочки в одинаковых платьях, одна с маркером у стены с каракулями, вторая с пультом наизготовку.

– А чего у вас дверь открыта? – почему-то спросила Женя.
– Чьи это дети?

– Мои, блять! – рывкнул я и тут же осекся, зажимая рот рукой. – То есть, это мои дочери. Варя и Вера.

Женя округлила глаза. Девочки уставились на Женю. В воздухе повисла тяжелая пауза, которую прервал голос из динамиков:

– Техническое соединение установлено. Ожидайте подключения участников.

Я похолодел.

– Женя! Уведи их! Срочно! – зашипел я, пытаюсь одновременно выхватить маркер у одной и пульт у другой.

Но Женя стояла столбом, глядя на девочек с таким выражением, будто видела инопланетян.

– Простите, я не знала, что они придут к вам, – пролепетала она. – Кофемашина сломалась, и я бегала за Сереженькой...

– Каким на хер Сереженькой, Женя? – взорвался я, пытаюсь удержать подмышкой одну дочь и дотянуться до пульта во второй. – Ты видишь, что тут творится?!

– Наш слесарь-ремонтник, – виновато пропищала Женя и, вместо того чтобы помочь, медленно попятилась к двери,

глядя на меня с ужасом и, кажется, с брезгливостью. Типа, фу, какие-то дети, при чем тут я?

Она поставила кофе на край стола (так, что чашка жалобно звякнула) и испарилась. Дверь за ней тихонько закрылась.
– Женья! – заорал я, но было поздно.

На экране загорелась картинка: большой переговорный зал в Пекине, человек восемь китайцев в строгих костюмах и во главе – мистер Ли, главный переговорщик, с непроницаемым лицом.

Я замер. Девочки замерли. Китайцы замерли, глядя на экран.

В кадр попало: я, взлохмаченный, в пиджаке нараспашку, с красным лицом, под мышкой у меня брыкается ребенок в розовом платье, второй ребенок сидит на диване и сосредоточенно тычет в пульт, а на стене за моей спиной красуется корявый рисунок – солнышко, цветочек и подпись "ПА-ПА" (явно детской рукой). Хорошо, что это слово, а не из трех букв.

– Нихао, господин Андрей, – раздался спокойный голос мистера Ли. Английский у него был идеальный, с легким акцентом. – Мы не вовремя? У вас, кажется, совещание с важными клиентами?

Он едва заметно улыбнулся.

Китайцы за его спиной зашевелились, кто-то прикрыл рот рукой, кто-то закашлялся.

– Нихао, мистер Ли, – выдавил я улыбку, пытаюсь одной

рукой усадить дочь на диван, а второй отобрать пульт у второй. – Нет-нет, все в порядке. Это мои... ассистенты. Юные ассистенты. Мы тут проводим... профориентацию.

Вторая дочь (кажется, Варя) вырвалась и снова подбежала к столу.

– Пап, а это дядя? – ткнула она пальцем в экран, где висел мистер Ли. – А че он такой узкоглазый? Он плохо видит?

У меня волосы зашевелились на затылке.

– Варя! Нельзя так говорить! – зашипел я, зажимая ей рот рукой.

Вторая (теперь уже точно Вера) спрыгнула с дивана, подбежала к столу и схватила Женин кофе.

– Пап, а это можно пить? А то мама говорит, что ты пьешь всякую гадость, от которой у тебя пузо растет.

– Вера! Положи! Там горячо!

Поздно. Вера сделала глоток, скривилась и выплюнула кофе обратно в чашку. Чашка покачнулась, кофе пролился на мои документы. Идеально составленный контракт на несколько сотен миллионов рублей превращался в мокрое коричневое месиво.

Я закрыл глаза.

На секунду.

Мне хотелось провалиться сквозь землю.

Или сквозь этот итальянский диван.

– Господин Андрей, – снова раздался голос мистера Ли. В его тоне появились нотки любопытства. – Вы говорили,

что у вас есть уникальное предложение по логистике. Мы готовы слушать. Но, может быть, вы сначала решите вопросы с... профориентацией?

Китайцы за его спиной уже откровенно переглядывались и улыбались.

Я открыл рот, чтобы хоть что-то сказать, но в этот момент дверь снова открылась.

Сначала я увидел только ноги.

Длинные, красивые, в туфлях на каблуках, которые я обо-
жал. Потом платье. Новое, синее, которое я раньше не видел,
облегающее фигуру так, что у меня пересохло во рту. Потом
знакомые руки, глаза, волосы, уложенные в новую прическу.

Юля.

Моя жена.

Она вошла в кабинет, окинула нас взглядом и улыбнулась.
Спокойно, красиво, как улыбается женщина, которая всё ре-
шила и больше не нервничает.

Она подошла ко мне, поправила мне галстук (который
болтался где-то на плече), чмокнула в щеку и повернулась к
дочерям.

– Девочки, идите к машине, папа занят. Подождите меня
там.

И девочки, эти маленькие монстры, которые минуту назад
громили мой кабинет, послушно кивнули и выбежали вон,
схватив по дороге маркер и пульт (пульт, кстати, Вера так и
не отдала).

Юля проводила их взглядом, потом посмотрела на экран, на мистера Ли, слегка кивнула ему (он ответил легким поклоном), перевела взгляд на меня и произнесла тем самым мягким, но убийственно спокойным голосом, от которого у меня всегда холодело внутри:

– Андрей, я ухожу от тебя, – сказала жена, словно собралась в булочную.

– В смысле? Куда уходишь?

В голове словно лопнул мыльный пузырь и обрызгал меня пеной. Стало липко и неприятно.

– Я полюбила другого, поэтому решила, что будет лучше, если мы разведемся. Ты же не против?

Глава 2. Я четыре года одна, Андрей!

Я стоял посреди кабинета еще минут пять после того, как дверь закрылась. Китайцы вежливо попрощались (мистер Ли сказал что-то про «семейные ценности» и предложил перенести встречу на завтра), я кивнул, отключился и просто рухнул в кресло.

Развод? Она уходит к другому. Юля меня разлюбила.

Шутка? Это же шутка? Юля любит пошутить. Она всегда шутит. Помню, как на годовщину свадьбы сказала, что уезжает навсегда, а сама спряталась в шкафу и оттуда выпрыгнула с тортом. Смеялась потом неделю.

Да, точно. Это шутка. Просто она обиделась, что я редко бываю дома. Ну ничего, вечером приеду, цветы куплю, поговорим по душам, обниму её покрепче... и вспомним, как это — не спать в разных койках.

Я глянул на разлитый кофе, на рисунок на стене (солнышко и "ПАПА" — это же Вера старалась, дурочка), и вдруг так тепло стало. Мои девчонки. Моя семья.

Вечером я ехал домой с букетом красных роз (две дюжи-

ны, как она любит), коробкой конфет для тещи (на всякий случай) и двумя огромными плюшевыми зайцами для Веры и Вари. Зайцев еле впихнул на заднее сиденье, они мордами в потолок упирались.

Настроение было боевое. Сейчас приеду, устроим вечер примирения. Может, теща заберет девчонок к себе на часик? А мы с Юлей...

Я мечтательно улыбнулся, паркуясь у дома. Наш загородный дом, три этажа, участок, качели во дворе – всё как она хотела.

Юля говорила: "Здесь наши дети будут бегать босиком по траве".

Бегают, конечно. И по траве, и по лужам, и по моим нервам.

Ключ повернулся в замке. В прихожей горел свет, пахло чем-то вкусным (пирог? Юля пекла? Отлично!). Я уже открыл рот, чтобы крикнуть: "Я дома, мои хорошие!", как услышал голос из гостиной.

Юля говорила по телефону. Громко. Видимо, с подружкой... или с тещей?

— ...Кать, ты даже не представляешь. У нас секс с ним был последний раз четыре года назад, когда мы дочек зачали. Четыре года, Кать! Я уже забыла, как это – когда мужчина тебя обнимает не для того, чтобы спросить, где его носки.

Я замер в прихожей. Букет роз почему-то стал тяжелым, как бетонная плита.

— Нет, он, конечно, хороший мужик, — продолжала Юля.
— Но какой он отец, если он их не видит? Он Веру от Вари отличить не может! Вчера Варя подходит ко мне и говорит: "Мама, а папа называл меня Верой". Представляешь? Четыре года дочкам, а он их имена забыл!

Я сглотнул. Ком встал поперек горла.

— А эта его помощница, Женечка... — голос Юли стал злым. — Я не дура, Кать. Я вижу, как она на него смотрит. И он, кстати, тоже на неё смотрит. Я видела фото в инстаграме корпоратива. Знаешь, как он на неё пялился? Как на кусок мяса! А на меня так уже лет пять не смотрит.

Я хотел войти, хотел сказать, что это не так, что Женя — просто дура, которая вешается на шею, а я... а я... А что я? Я действительно на неё смотрел. Сегодня утром, между прочим, про её "булки" думал.

Стыдно стало. До зубного скрежета стыдно.

— Всё, Кать, я решила, — голос Юли стал жестким. — Или он меняет свою жизнь, или я меняю мужа. Я так больше не могу. Я молодая женщина, я хочу быть любимой, хочу чувствовать себя желанной, а не мебелью! Пусть катится к своей Женечке, раз она такая замечательная. А я няню найму. Няня хоть денег меньше жрет, чем он на свои командировки тратит.

Я медленно поставил цветы на тумбочку. Зайцы остались в коридоре. Конфеты — в пакете.

Я вошел в гостиную.

Юля стояла у окна, спиной ко мне, в том самом синем платье. Красивая. Родная... Чужая.

— Юль, — позвал я тихо.

Она вздрогнула, резко обернулась. В глазах — сначала испуг, потом злость, потом... пустота. Такая страшная пустота, когда человек уже всё решил.

— Ты слышал? — спросила она спокойно. — Ну и хорошо. Не надо будет повторять дважды.

Она нажала отбой, бросила телефон на диван и скрестила руки на груди.

— Андрей, давай сразу. Я устала. Дети спят, можешь не шуметь. Разговор будет короткий.

— Юль, подожди... — я шагнул к ней, протянул руку. — Давай поговорим нормально. Я понимаю, я виноват...

— Виноват? — она вдруг сорвалась. Глаза наполнились слезами, но голос звенел сталью. — Ты виноват? Андрей, ты вообще существуешь в этой семье? Ты знаешь, какой зуб у Вари выпал? Ты знаешь, что Вера боится темноты и спит с ночником? Ты знаешь, какого размера обувь они носят?!

Я молчал. Я не знал. Я не знал. Блять! Я знаю китайский, но не знаю, какого размера одежду носят мои дочери.

— Я четыре года одна, Андрей! Четыре года я тащу этот дом, этих детей, эту жизнь! А ты... ты приезжаешь раз в месяц, пахнешь чужими духами (я дернулся, но она не дала вставить слово), тискаешь детей пять минут и снова уезжаешь! Ты думаешь, я не знаю про Женю? Ты думаешь, я сле-

пая?

— Юля, нет у меня ничего с Женей! — взмолился я. — Она просто помощница, она ко мне клинья подбивает, а я...

— А ты что? — Юля шагнула ко мне, в глаза заглянула. — Ты ей отказываешь? Ты её отшил? Или ты просто ещё не успел, потому что всё время в командировках?

— Да нет же! Все не так. — Я схватил её за плечи. — Юль, я люблю тебя! Только тебя! Женя мне никто, понимаешь? Я дурак, я работал, я думал, что так правильно, что семья обеспечена, что...

— Обеспечена? — она вырвалась. — Андрей, мне не нужны твои деньги! Мне нужен муж! Мне нужен отец моим детям! Ты сегодня Веру назвал Варькой! При китайцах! Стыдно какой...

Она всхлипнула и отвернулась к окну. Плечи её вздрагивали.

У меня внутри всё оборвалось. Я подошел сзади, обнял, прижал к себе. Она пыталась вырваться, но я держал крепко.

— Прости меня, — шепнул я в её волосы. — Прости, дурака. Я правда не знал. Я правда не понимал, как тебе тяжело.

— Отпусти, — глухо сказала она. — Отпусти, говорю. Слишком поздно.

— Не поздно. Юль, не поздно. Я всё исправлю. Клянусь.

Она резко развернулась, вырвалась и отошла к двери. Глаза красные, тушь размазана, но взгляд — острый, как нож.

— Исправишь? — горько усмехнулась она. — Ты даже не

знаешь, кто из них Варя, а кто Вера. Пойди, проверь. Они спят. Сможешь отличить?

Я вышел в коридор, поднялся на второй этаж, зашел в детскую. Тихо, только сопение. Две кроватки, два одеяла, два хвостика на подушках.

Я смотрел на них и понимал: я правда не знаю. Совсем. Одинаковые, как две капли воды.

Я вернулся в гостиную. Юля стояла там же, где я её оставил. В руках – мой чемодан.

— Юль... – начал я.

— В какой кроватке Варя? – перебила она. – Справа у окна или слева у двери?

Я молчал.

— Вот видишь, – она поставила чемодан у моих ног. – Ты чужой в этом доме, Андрей. Ты просто квартирант, который приносит деньги.

— Юля, дай мне шанс, – я шагнул к ней. – Я возьму отпуск. Прямо завтра. Буду дома, буду с детьми, буду с тобой. Научусь различать, научусь готовить, научусь всему. Только не уходи.

Она посмотрела на меня долгим взглядом. Взяла паузу.

— Отпуск, – повторила она. – На сколько?

— На месяц. На два. Сколько скажешь.

— Две недели, – сказала жена жестко. – У тебя есть две недели, Андрей. Я уезжаю с мамой в санаторий. Завтра же. Ты остаешься с детьми. Один. Без няни, без помощников,

без Женечки твоей.

Я сглотнул.

— Если через две недели я вернусь и увижу, что ты не научился их различать, не знаешь, что они любят на завтрак, во сколько у них тихий час и какие у них любимые сказки... если я увижу, что дом развален, а дети несчастны... — она сделала паузу. — Я подам на развод. И найму няню. Андрей, няня, действительно обходится дешевле. И от неё хотя бы не пахнет чужими духами.

— Я все сделаю, родная. Только...

— Посмотрим! — серьёзно заявила она, развернулась и ушла в спальню, закрыв за собой дверь.

Я сел на диван и закрыл лицо руками.

Бляха, вот это я вляпался!

Глава 3. Жужечка плиехала!

Я не спал всю ночь.

Ворочался на диване в гостиной, слушал тишину и думал. Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Я, два четырехлетних урагана и маленькая собачка, которая, судя по голосам из спальни Юли, сегодня тоже впишется в эту авантюру.

Под утро я провалился в тревожную дрему, и мне приснилось, что я на переговорах, а вместо китайцев передо мной сидят Вера и Варя в строгих костюмах и с указками в руках. Они стучат по столу и хором говорят:

«Нихао, папа. Твои условия нам не подходят. Мы требуем шоколадные конфеты и мультики».

Проснулся я от того, что кто-то прыгнул мне на живот.

— Папа! Папа, вставай! Мама уезжает! – орала мне прямо в ухо та, которая прыгала. Кажется, Варя.

— А мы остаемся с тобой! – вторая залезла на диван с другой стороны и начала теревить мое ухо. – А ты будешь нам кашу варить? А ты умеешь?

— Умею, умею, – пробормотал я, пытаюсь сесть и не сбросить при этом детей на пол. – Конечно, умею. Что там варить-то?

Девочки переглянулись.

— Мама глечку валит, – сказала одна.

— А еще маньку, – добавила вторая. – Но маньку я не люблю.

— А я люблю!

— А я не люблю!

— А я больше люблю псонку!

Они заспорили, и я понял, что сейчас начнется война. Пришлось подниматься и тащить обеих на кухню, надеясь, что там меня ждет кофе и, может быть, инструкция по эксплуатации детей, которую Юля забыла на видном месте.

Кофе не было.

Инструкции тоже.

Меня резко окатило паникой, но я постарался взять себя в руки.

На кухне уже стояла Юля. В шелковом халате, с чашкой в руках, собранная, спокойная и такая красивая, что у меня защемило сердце. Она даже не смотрела в мою сторону – только на детей.

— Девочки, идите умываться и чистить зубы. Бабушка скоро приедет, поедem в аэропорт.

— А папа с нами поедет? – спросила одна из дочек (кажется, Вера).

— Папа всех нас отвезет, – ответила Юля и наконец перевела на меня взгляд. Холодный, вежливый, чужой. – Ты же отвезешь, Андрюш?

— Конечно, – кивнул я и улыбнулся. – Всё сделаю, милая.

Она ничего не сказала, только хмыкнула и ушла в спальню

собирать чемоданы.

Через полчаса дом напоминал филиал сумасшедшего дома. Дети носились по коридору с криками «Мы едем в аэропорт!», Юля пыталась поймать их, чтобы переодеть в дорожную одежду, а я стоял посреди этого хаоса с двумя чашками кофе (в одной был мой кофе, в другой – жены) и пытался понять, где мои ключи от машины.

И тут раздался звонок в дверь.

— Я отключю! – заорала Варя и рванула в прихожую.

— Стой! Не открывай, я сама! – крикнула Юля, но было поздно.

Я вышел в коридор и увидел картину маслом: дверь распахнута, на пороге стоит моя теща, Татьяна Ивановна, а у ее ног – маленькое трясущееся существо, которое, судя по звукам, пыталось обляять весь мир, но вместо лая издавало какой-то писк.

— Жужа! Жужечка плиехала! – завизжали девочки хором и бросились к собаке.

Я посмотрел на это существо.

Маленькая чихуахуа, размером с тапок, в смешном вязаном свитерке, с огромными глазами, полными ужаса и презрения ко всему человечеству одновременно.

— Андрей, – теща выпрямилась и посмотрела на меня так, будто я был тараканом, которого она собиралась раздавить. – Это Жужа. Она останется с вами.

— В смысле, останется? – я почувствовал, как внутри что-

то оборвалось.

— В прямом. — Теща шагнула в дом, и я увидел, что за ней волочится огромный чемодан. Нет, не чемодан, это был баул. Целый багажный отсек. — Я не могу оставить ее в гостинице, а везти с собой в санаторий — ей там не место. Так что Жужа поживет у вас.

Она открыла баул, и я обалдел. Там было всё: мисочки (две штуки, для воды и для еды), корм (пакетов пять, разных), консервы (баночки, как детское питание), одежда (вязаные свитерки, курточка, дождевик!!! Что бя...?), лежанка (розовая, с бортиками), пеленки (упаковка), поводок (кожаный, с блестящими стразами) и даже какая-то расческа.

— Это что, всё этой псины? — спросил я тупо.

— Это лишь минимум, — отрезала теща. — Кормить три раза в день, только этот корм. Ничего со стола не давать! Гулять два раза, утром и вечером, на поводке. Не снимать! На ночь класть лежанку рядом с кроватью, она одна боится спать. Если плачет надо будет погладить. И следи, чтобы девочки ее не тискали сильно, у Жужи очень тонкая натура, а еще... нервы.

Я посмотрел на Жужу. Жужа посмотрела на меня. В ее глазах читалось: «Только попробуй ко мне приблизиться, я тебе все тапки обоссу».

— Татьяна Ивановна, — начал я жалобно, — у меня тут дети, две штуки, я вообще-то первый раз с ними остаюсь...

— А Жужа будет третьим ребенком, — перебила теща. —

И, в отличие от некоторых, она хотя бы не будет путать моих внушек с кем попало.

Она подхватила свой маленький дамский чемоданчик и прошествовала в гостиную, оставив меня в прихожей с баулом, собакой и двумя детьми, которые уже пытались натянуть на Жужу свитерок задом наперед.

— Девочки, не трогайте Жужу! – крикнул я.

— Она сама к нам лезет! – засмеялась Варя.

Жужа не лезла. Жужа пыталась спрятаться под тумбочкой, но свитерок мешал.

Но я почему-то был уверен, мои дети натянут этот свитерок на псину и дадут прос...ся любому в этом доме. Даже мне!

Глава 4. Тренируйся Андрей. Это только цветочки.

Через час мы наконец-то загрузились в машину.

Я сидел за рулем, чувствуя себя водителем автобуса для детского сада. Рядом со мной на пассажирском сиденье была Юля. Смотрела в окно и молчала. Ух... гордая. Сзади сидела теща, прижатая с двух сторон детскими креслами, а между ними, на специальной подстилке, которую теща постелила прямо на пол, сидела Жужа в своем лучшем дорожном свитерке и с выражением лица, как у арестованного олигарха.

— Мама, а где вы будете жить? — спросила Вера (или Варя? Я уже бросил попытки угадать).

— В санатории, Варюш, — ответила теща. Хм... значит Варя. И как они их различают? — Там бассейн и массажи.

— А папа едет с вами? — спросила другая дочка. И я понял, что это Вера. Надо бы хоть фломастером на лбу написать, кто есть кто.

— Папа остается дома. С вами, — голос Юли прозвучал жестко. — У папы важное задание.

Девочки переглянулись и захихикали. Мне это не понравилось.

Аэропорт встретил нас привычным шумом и суетой. Я припарковался, помог выгрузить чемоданы, и мы всей гурьбой ввалились в здание вылета.

Регистрация прошла быстро, но когда мы подошли к стойке паспортного контроля, Юля вдруг остановилась и посмотрела на меня.

— Андрей... – начала она.

— Юль, не сомневайся, – перебил я, стараясь говорить бодро. – Всё будет хорошо. Я справлюсь. Ты отдыхай, набирайся сил, а я тут... ну, в общем, буду проходить курс молодого папаши.

Она смотрела на меня долго, изучающе. В глазах – сомнение, тревога и что-то еще, чему я не мог подобрать названия. Надежда? Нет, скорее страх, что все пойдет не так.

— Он же детей погубит, – зашипела теща, дергая Юлю за рукав. – Юль, ты подумала? Он же мужик! Он даже яичницу сжечь умудряется! А там дети... и Жужа. Может девочек с собой возьмем, а?

— Мама, – устало сказала Юля. – Мы уже все решили.

Я широко улыбнулся, показывая, что я полон оптимизма и уверенности в себе.

— Да ладно вам! Подумаешь, две недели. Я их в музей свожу, в парк, читать научу...

Девочки слушали меня с огромным интересом. Потом переглянулись. И тут началось.

— Пап, — сказала одна (та, что стояла слева), подпрыгивая на месте. — А я какать хочу!

Я моргнул и мне показалось, что время остановилось. Это она мне сказала?

— Что?

— Какать! Сильно-сильно! Прямо сейчас! - кричала дочка на весь аэропорт.

— Так... — я засуетился. — Ну пойдем, я тебя отведу... в туалет.

— Пап! — вторая дернула меня за руку. — А я пить хочу! Очень! Мама говорит, что в аэлополту вода дологая, но я хочу! Ты взял мою бутылочку с единологом?

— Подожди, я сначала сестру в туалет отведу...

— Я пелвая! Пелвая!

— Нет, я пелвая сказала!

— Ты всегда пелвая!

— А ты жадина-говядина!

Они заспорили так громко, что на нас начали оборачиваться люди. Юля стояла с каменным лицом. Теща закатила глаза к потолку.

— Так, девочки, тихо! — рявкнул я, но они даже не обратили внимания.

Та, что хотела в туалет, начала пританцовывать на месте и делать страдальческое лицо. Та, что хотела пить, схватилась за горло и изображала умирающую от жажды.

— Мама! — взмолился я, глядя на Юлю.

Она медленно перевела взгляд с детей на меня. Уголок ее губ чуть дернулся. Всего на секунду. Мне показалось, или она чуть не улыбнулась?

— Ну вот, Андрей, — спокойно сказала она. — Тренируйся. Это только цветочки.

Она наклонилась, быстро и ловко подхватила ту, что хотела в туалет, и повела в сторону уборной, бросив на ходу:

— Подожди нас здесь. И присмотри за багажом... и за Жужей.

Я остался в окружении чемоданов, тещи и маленькой собачки, которая сидела в переноске и смотрела на меня с нескрываемым злорадством. За руку меня держала вторая дочь и жалобно смотрела в глаза.

— Ну что, зятек, — сладко улыбнулась теща. — Удачи. Звони, если что. Но я не обещаю, что возьму трубку.

Она подхватила свою сумку и гордо прошествовала вслед за Юлей.

Через десять минут Юля с тещей прошли паспортный контроль. Я стоял с девочками у стеклянной перегородки. В одной руке у меня была переноска с Жужей, в другой — пакет с вещами, которые не влезли в чемоданы.

— Мамочка! — заревели девочки хором, прижимаясь к стеклу. — Мамочка, не уезжай!!!

Юля обернулась, приложила ладонь к стеклу с той стороны. Вера и Варя повторили жест. У меня ком встал в горле.

— Не плачьте, маленькие, — сказал я хрипло. — Скоро ма-

ма вернется.

Юля посмотрела на меня долгим взглядом. В нем было все: и тревога, и надежда, и усталость. А потом она развернулась и ушла.

Теща на прощание погрозила мне кулаком и тоже скрылась за поворотом.

Девочки перестали плакать ровно в ту секунду, когда мама с бабушкой исчезли из виду. Всхлипнули напоследок, вытерли слезы кулачками и повернулись ко мне.

В их глазах загорелся тот самый огонек, который обычно видят саперы перед взрывом.

— Пап, – сказала одна. – А мы сейчас куда?

— Домой, – ответил я бодро.

— А по можно моложеное?

— А можно в палк, на калуселях покататься?

— А можно Жужу на лучки?

— А можно я за луль?

Жужа в переноске гавкнула. Поддержала.

Я вздохнул и посмотрел в сторону огромного окна аэропорта. За стеклом стоял самолет, в который садилась моя жена. И мне стало так горько и страшно, что я сжал зубы.

— Юля, – прошептал я. – Ты хоть знаешь, во что я вляпался?

Жужа гавкнула снова.

Кажется, она знала. И ей это нравилось.

Глава 5. Первый день.

Я стоял в аэропорту с переноской в одной руке и ребенком, вцепившимся в другую, и смотрел, как самолет с моей женой поднимается в небо. Маленькая точка растворилась в облаках, и я вдруг осознал всю глубину пропасти, в которую только что шагнул.

— Пап, – дернула меня за руку та, что хотела пить (кажется, Вера). – А где моя вода? Я пить хочу!

— И какать! – напомнила вторая. – Я в туалете с мамой какала, но у меня не получилось. Я еще хочу!

Я закрыл глаза. Глубоко вдохнул. Выдохнул.

— Так. По порядку. – Я присел на корточки, чтобы быть с ними на одном уровне. – Сначала мы идем в туалет. Потом покупаем воду. Потом едем домой. Договорились?

Девочки синхронно кивнули. Синхронно улыбнулись. У меня от этой синхронности мурашки по спине побежали.

— А кто из вас кто? – ляпнул я и тут же прикусил язык.

Они переглянулись. В их глазах мелькнуло что-то... нехорошее.

— Я Валя, – сказала та, что хотела в туалет.

— А я Вела, – сказала та, что хотела пить.

Я внимательно посмотрел на них. Одинаковые платья. Одинаковые хвостики. Одинаковые хитрые глаза.

— Точно?

— Ага! – подтвердили они хором.

Я решил поверить. В любом случае, у меня не было выбора.

Туалет я нашел быстро. Завел туда Варю (или все-таки Веру?), закрыл дверь кабинки и понял, что понятия не имею, что делать дальше.

— Пап, ты там? – спросил голос из-за двери.

— Я тут, доча.

— А тлусики снимать?

— Снимай.

— А как?

— Ну... руками.

— Пап, а ты поможешь?

Я зашел в кабинку. Дальше было пять минут чистого ада, потому что объяснить четырехлетке, как правильно садиться на унитаз, чтобы ничего не упало мимо, оказалось сложнее, чем согласовать контракт с китайцами. Мы справились. Вроде бы. Я не проверял.

— Получилось? – спросил я с надеждой.

— Не-а, – грустно сказала дочка. – Не хочу больше. Пойдем?

Я вздохнул. Ладно, значит, будем решать эту проблему позже.

Через десять минут мы нашли автомат с водой. Через пятнадцать – добрались до машины.

Я усадил девочек в кресла, пристегнул, загрузил Жужу на

заднее сиденье, сел за руль и выдохнул.

— Уф... ну что, поехали домой?

— Пап, – раздался голос сзади. – А мы кушать хотим.

Я посмотрел на часы. Полдень.

— Хотите есть?

— Ага! – хором крикнули девочки.

— А что вы любите?

Девочки снова переглянулись. И снова этот синхронный поворот головы. Жуткое зрелище.

— Макалоны с сосиской, – сказала одна.

— А я хочу суп голоховый! – сказала вторая.

— Вы же близняшки, вы должны любить одно и то же! – взмолился я.

— А вот и нет! – заявила та, что хотела суп. – Я Валя, и я люблю суп.

— А я Вела, и я люблю макалоны с сосиской! – поддержала вторая.

— А минуту назад ты была Верой, а ты Варей! – я ткнул пальцем в ту, что хотела суп.

— Не-а, – улыбнулась она. – Я всегда Валя. Правда, Вела?

— Плавда, – кивнула вторая.

Я понял, что меня разводят. Четырехлетки разводят меня, как лоха. Я посмотрел в зеркало заднего вида. Жужа сидела в переноске и откровенно ржала надо мной. Я готов поклясться – собака улыбалась.

Дома было... пусто.

Я включил свет в прихожей, поставил переноску с Жужей на пол, сгрузил пакеты и понял, что стою посреди тишины, которую через секунду разорвут две маленькие торпеды.

— Пап! А можно мы будем смотреть мультики?

— Пап! А можно мы пойдем на улицу?

— Пап! А Жужа хочет гулять!

— Пап! А где мама?

Последний вопрос прозвучал неожиданно жалобно. Я посмотрел на девочек. Они стояли в прихожей, сняв туфельки, и смотрели на меня с надеждой.

— Мама... — я замялся. — Мама вернется через две недели. А пока мы будем с вами. Вместе. Мужская компания.

— Мы не мужская, — нахмурилась Варя (или Вера?). — Мы девочки.

— Точно. Прости. Женская компания. Ну, и Жужа.

Жужа фыркнула из переноски.

— Давай ее выпустим? — предложила одна из дочек.

— Давай, — согласился я, подумав, что хуже уже не будет.

Я открыл переноску. Жужа вышла, огляделась, посмотрела на меня с выражением "ну, смертный, показывай свои хоромы", и гордо протопала в гостиную своими маленькими лапками.

— Какая она смешная! — засмеялись девочки и побежали

за ней.

Я остался один в прихожей. Вокруг меня стояли, какие-то пакеты, детские курточки и маленькие туфельки. Из гостиной доносился визг, смех и возмущенный лай Жужи.

— Юля, — прошептал я, глядя на потолок. — Ты знаешь, что ты со мной сделала? Ты меня просто положила на лопатки и придавила сверху бетонной плитой.

Потолок молчал. Самолет с Юлей был уже где-то над Уралом.

Я вздохнул и пошел на звук.

— А что мы будем есть? — спросила Вера, когда я вошел в гостиную.

Варя сидела на диване и держала Жужу на руках. Жужа выглядела счастливой — кажется, она поняла, что здесь главные не я, а эти две маленькие фурии. И с ними надо дружить.

— Есть? — я задумался. — А что вы обычно едите днем?

— Обед, — сказала Варя. — Мама валит нам обед.

— А что на обед?

— Суп, — сказала Варя.

— Макалоны, — сказала Вера.

Я понял, что попал. И тут меня осенило. У меня же есть телефон! Можно позвонить... кому? Юля в самолете. Теща в самолете. Я один.

— Так, — я достал телефон и открыл интернет. — Сейчас мы быстренько научимся варить суп.

— Пап, а ты не умеешь? — удивилась Варя.

— Умею, конечно, — соврал я. — Просто хочу вспомнить идеальный рецепт.

Через полчаса просмотра видео "Суп для детей за 20 минут" я понял две вещи. Первое: у меня нет половины продуктов. Второе: дети уже не хотят ждать.

— Пап, мы кушать хотим! — канючили они хором.

Я посмотрел на них. Потом на пустую кастрюлю. Потом на телефон, где светилась фотография Юли.

— Девочки, — сказал я тихо. — А давайте закажем пиццу?

— Пиццу? — глаза у обеих загорелись. — А можно? Мама нам не разрешает.

— Мама далеко, — я достал телефон. — Сегодня командуем мы.

— Ула! Ула! — завопили они.

Жужа одобрительно гавкнула. Похоже собака поняла, что тоже переходит на спартанский образ жизни. И, кажется, она была этому только рада.

Глава 6. Пап, а вы с мамой разведетесь, да?

Через сорок минут мы втроем (и Жужа в компании) сидели на диване, смотрели мультики и ели пиццу. Девочки хохотали над Мимимишками, Жужа сидела на коленях у Веры и выпрашивала кусочки так выразительно, что я начал подозревать: эта собака понимает человеческую речь лучше, чем я... детский лепет.

— Жужа, нельзя со стола! – строго сказал я, когда она потянулась к моему куску.

Жужа посмотрела на меня с таким презрением, будто я предложил ей есть корм из миски. Потом перевела взгляд на Веру и тихонько твякнула. Вера немедленно отломила ей кусочек колбасы.

— Вера! Я же сказал – нельзя!

— Но она плосит! – Вера посмотрела на меня глазами, точь-в-точь как Жужа. Я понял, что это заговор.

— Пап, – сказала Варя, жуя пиццу и размазывая томатный соус по щекам. – А ты классный.

— Правда? – удивился я. За одно только кормление собаки со стола меня уже должны были лишить отцовства, а тут такие комплименты.

— Ага. Ты лазлешаешь пиццу.

— И мультики допоздна, – добавила Вера, не отрываясь от экрана.

— И Жуже даешь вкусняшки.

Я улыбнулся. Какие же они милые, когда не разносят дом и не задают неудобных вопросов.

— А мама что, не разрешает?

— Мама не лазлешает, – вздохнула Варя с таким видом, будто ей пришлось познать всю тяжесть бытия. – Сначала суп, потом мультик. Один мультик, а не сто. И Жужа со стола нельзя, у нее диета.

— Диета? – переспросил я, глядя на Жужу, которая только что умяла третий кусочек колбасы и явно намекала на четвертый.

— Ага, – подтвердила Вера. – Бабушка говорит, Жужа – леди, а леди должны следить за фигурой.

Я посмотрел на Жужу.

Жужа посмотрела на меня.

В ее взгляде читалось: "Только попробуй посадить меня на диету, я твои тапки в клочья порву".

— Ладно, – я махнул рукой. – Сегодня у нас день без правил.

— Ула! – заорали девочки.

Жужа довольно гавкнула и цапнула еще кусочек прямо с тарелки Веры.

— Жужа!

— Она же без павил! – засмеялась Варя.

Я задумался. Без правил – это хорошо или плохо? Наверное, хорошо, пока не случилось чего-то ужасного. Например, пока Жужа не съела всю пиццу или пока девочки не решили, что раз правил нет, то можно не ложиться спать вообще никогда.

Жужа во сне икнула.

Да, она умудрилась задремать прямо во время еды. Наверное, собачий век такой – быстро устаешь от колбасы.

— Пап, – вдруг спросила Вера, и в ее голосе пропали привычные веселые нотки. – А мама плавда велнётся?

Я посмотрел на нее.

В глазах били надежда и страх, перемешанные так, что у меня внутри все перевернулось.

— Правда, доча. Обязательно вернется.

— А когда?

— Через две недели. Это... ну, как четырнадцать раз поспать.

— Много, – грустно сказала Варя.

— Много, – согласился я. – Но мы будем ждать. И готовиться к ее приезду. Сделаем сюрприз.

— Какой? – оживились обе.

— Ну... – я задумался. – Научимся сами варить суп? Чтобы мама приехала, а мы ее кормим?

— А можно пиццу? – с надеждой спросила Вера.

— Нет, пиццу мы уже сегодня ели. Надо что-то полезное.

— Фу-у-у. Сам ешь полезное, – разочарованно протянули

девочки, но тут же переключились обратно на мультики.

Я уже расслабился, думая, что опасный разговор миновал, как Варя выдала:

— Пап, а вы с мамой лазведетесь, да?

Я поперхнулся пиццей. Кусок колбасы полетел в Жужу, та мгновенно его сожрала, даже не открывая глаз.

— Откуда ты... кто тебе сказал?

— Мы слышали, – тихо сказала Варя, ковыряя край пиццы. – Вечелом, когда вы лугались. Мама говорила пло лазвод. И пло то, что ты уйдешь к тете Жене.

— К какой тете Жене? – насторожилась Вера.

— К папиной секлетутке, – объяснила Варя. – Мама сказала, что она на папу смотрит, как Жужа на колбасу.

Я замер.

Жужа, услышав слово "колбаса", открыла один глаз и навострила уши.

— Девочки, – я отложил пиццу и повернулся к ним, стараясь говорить спокойно, хотя внутри все кипело. – Во-первых, тетя Женя, просто сотрудница. Она мне никто. Во-вторых, я люблю вашу маму. Очень... и вас. И никуда я не уйду.

— А чего тогда мама плакала? – спросила Вера, и у нее задрожала нижняя губа.

У меня внутри все оборвалось.

— Плакала?

— Ага, – кивнула Варя. – Мы слышали. Она думала, что мы спим, а мы не спали. Мы всегда не спим, когда вы луга-

етесь.

Я обнял обеих сразу.

Жужа, возмущенная таким вторжением в личное пространство, пискнула, но осталась на коленях – видимо, решила, что тепло важнее принципов.

— Простите меня, девочки, – сказал я хрипло. – Я был дураком. Я мало времени проводил с вами и с мамой. Но теперь все будет по-другому. Обещаю.

— Честно-честно? – Вера посмотрела на меня с прищуром, точно как Юля, когда проверяла мои командировочные отчеты.

— Честно-честно.

— А тетя Женя к нам не плидет? – уточнила Варя.

— Нет. А если она попытается, выгоним ее метлой.

Девочки захихикали.

— А у нас есть метла? – спросила Вера.

— Найдем. Самую большую.

— И Жужа будет лаять! – добавила Варя.

Жужа, услышав свое имя, гавкнула. Кажется, в поддержку.

— Точно, – кивнул я. – Жужа у нас боевая.

Жужа довольно засопела и снова закрыла глаза.

— А можно еще мультик? – тут же спросила Вера, пользуясь моментом всеобщего умиления.

— Можно, – вздохнул я.

— Ула! – заорали они.

Жужа проснулась и гавкнула. Кажется, она тоже была за мультики.

Глава 7. Папа победил дракона!

В девять вечера я понял, что укладывать детей спать, это отдельный вид пыток, который не снился даже средневековым инквизиторам. Но сначала нужно было решить вопрос, который Варя не решила в аэропорту.

— Варь, – сказал я осторожно, когда мы чистили зубы. – Ты в туалет не хочешь? Перед сном?

— Не хочу, – буркнула она, намыливая щетку пастой (половина тюбика ушла на раковину).

— А может, попробуешь?

— Не-а.

— Но ты же хотела в аэропорту?

— Хотела, но лаздумала.

— А вдруг ночью захочешь?

— Не захочу.

Я посмотрел на Веру. Вера демонстративно отвернулась к зеркалу и начала строить рожицы своему отражению.

— Вера, чисти зубы нормально.

— Я чищу!

— Ты языком водишь по щетке, это не считается.

— А вот и считается!

Я понял, что спор бесполезен. В конце концов, зубы хоть как-то почистили, и ладно.

Через полчаса мы наконец надели пижамы.

Это отдельная история, потому что Варя хотела пижаму с зайчиками, Вера – с котиками, а нашли мы только те, что с мишками. Пришлось объяснять, что мишки – это почти зайчики, только больше, и что зайчики с котиками ушли в стирку. Девочки согласились, но с условием, что завтра мишек быть не должно.

— А что будет завтра? – спросила Варя, забираясь в кровать.

— Завтра будет новый день, – философски заметил я. – А теперь, сказка.

Я взял пару книжек с полки. Девочки уставились на меня с ожиданием.

— Колобка не хотим, – сразу предупредила Вера.

— И про лепку не надо, – добавила Варя.

— А что хотите?

— Про плинцесс, которые всех побеждают.

— И про длаконов.

— И чтобы плинцессы длаконов побеждали.

Я задумался.

В моем арсенале были только "Курочка Ряба" и "Три поросенка". Похоже, отцовство требовало срочного расширения кругозора.

— Ладно, – сказал я, закрывая книжку. – Тогда я расскажу вам сказку про папу, который очень любил свою семью.

— Это скучно, – зевнула Варя.

— И неплавдоподобно, – выговорила Вера и высунула язык.

— Не скучно и очень даже правдоподобное. Потому что в этой сказке папа сначала был дураком и много работал, а потом понял, что семья важнее, и стал самым лучшим папой на свете.

— А драконы там есть? – спросила Вера.

— Есть. Один дракон. Злой. Его зовут... ну, допустим, Офис Работович.

— А плинцессы?

— Две принцессы. Очень красивые и умные. Их зовут Вера и Варя.

Девочки заулыбались.

— А мама?

— А мама, там королева. Самая главная и красивая.

— А Жужа?

— А Жужа там придворная собака. Очень вредная, но полезная.

Жужа, лежавшая в ногах у Вари, фыркнула во сне.

Я начал рассказывать.

Про папу, который все время сражался с драконом Работой. Про принцесс, которые скучали без папы, и про королеву, которая чуть не ушла в другой замок. Девочки слушали, затаив дыхание.

— И чем все закончилось? – спросила Варя, когда я дошел до самого интересного места.

— А закончилось все тем, что папа победил дракона, вернулся в замок и пообещал принцессам и королеве, что нико-

гда больше их не бросит.

— И они жили долго и счастливо? – с надеждой спросила Вера.

— Очень долго и очень счастливо, – кивнул я.

Девочки довольно вздохнули и начали засыпать. Я сидел в кресле между их кроваток, смотрел, как они сопят, и чувствовал себя выжатым лимоном.

— Пап, – прошептала Варя в полудреме. – А я так и не покакала.

— Завтра покакаешь, – пообещал я.

— А ты поможешь?

— Помогу, доча.

— А мама приедет?

— Приедет.

— А ты нас не блосишь?

— Никогда.

— Тогда холошо, – выдохнула она и провалилась в сон.

Я посидел еще немного, слушая их ровное дыхание. В комнате пахло детским шампунем, пищей и собакой. Где-то за окном шумели машины. А я сидел и думал о том, как же я раньше не понимал, что это и есть счастье.

Я поцеловала обеих девочек, поправил им одеяло и тихо вышел из комнаты. Прикрыл дверь и сполз по стене прямо в коридоре.

— Юля, – прошептал я в пустоту. – Я не выживу. Я правда не выживу.

Жужа, оказывается, вышла за мной. Подошла, ткнулась мокрым носом в руку и... лизнула.

— Ты чего? — удивился я.

Жужа посмотрела на меня своими глазищами и вдруг запрыгнула на колени. Уместилась, свернулась калачиком и засопела.

Я сидел на полу в коридоре, с собакой на коленях, и смотрел в темноту.

— Жужа, — сказал я тихо. — А ты ничего. Хорошая собака. Значит, сработаемся.

Жужа открыла один глаз, посмотрела на меня с выражением "не обольщайся, это только на сегодня, и вообще я тебя терплю ради колбасы", и снова закрыла.

Я усмехнулся.

— Две недели, — сказал я себе. — Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Я справлюсь.

Где-то в комнате заворочалась Варя и сонно пробормотала:

— Па-а-ап... я какать...

Я замер. Жужа открыла один глаз.

Тишина.

— Пеледумала, — донеслось из комнаты, а потом я снова услышал сопение.

Я выдохнул.

— Жужа, — прошептал я. — Это только первый день.

Жужа вздохнула с таким выражением, будто хотела ска-

зять: "Я в курсе. И уже жалею, что связалась с вашей семьей".

Я погладил ее по голове.

— Но ты же не бросишь нас? — спросил я с надеждой.

Жужа посмотрела на меня долгим взглядом. Потом отвернулась и зарылась носом в мою руку.

Кажется, это было "да".

Первый день был пройден. Точнее, первые полдня. Осталось тринадцать. И, судя по всему, они будут очень длинными.

Глава 8. Манная и рисовая.

Я не помню, как добрался до дивана.

Кажется, я просто рухнул и отключился. Во сне мне снилась Юлия. Она стояла в красивом платье, пила коктейль у бассейна и смеялась. Потом повернулась ко мне и сказала:

– Андрей, ты забыл выключить утюг.

Я проснулся в холодном поту и только потом понял, что утюг я вообще-то не включал. И вообще, где я?

Телефон показывал 4:47 утра.

Я лежал еще минуту, прислушиваясь к тишине. Тишина была подозрительной. Слишком тихо для дома, где живут два четырехлетних урагана. Я даже испугался – не приснилось ли мне вообще ВСЁ? Может, нет никаких детей, нет Жужи, нет развода, и я просто сплю в своей квартире после тяжелой командировки?

— Па-а-ап! – раздалось откуда-то сверху.

Нет, не приснилось. Вот Гребаный экибастуз!

Я попытался открыть глаза, но веки будто склеили суперклеем. Голова гудела. Во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошка. И тут я почувствовал что-то мокрое и холодное.

— Поливаем! Поливаем цветочек! – заливались тонкиеголоски.

– Поливаем, не зальем! – вторила вторая дочка.

Я распахнул глаза и увидел над собой два ангельских личика и две садовые лейки, из которых на меня методично лилась вода.

— Вы чего творите?! — заорал я, вскакивая.

— Мы поливаем цветочек! — радостно объяснила Варя (или Вера?), продолжая лить. — Мама всегда поливает цветы по утрам! — поддержала ее сестра.

— Я не цветочек! Я папа! — рывкнул недовольно, стараясь сползти с дивана.

— Но ты же наш, — логично заметила одна из дочек. — Значит, тоже цветочек.

— Папик-одуванчик! — захихикали обе. — Или василёк. Я пощупал себя.

Футболка промокла насквозь, волосы мокрые, и по спине стекает холодная вода. Жужа сидела в дверях и смотрела на это представление с выражением "а что я говорила?".

— Сколько времени? — простонал я, хватая телефон.

5:02 утра.

— Девочки, — сказал я максимально спокойным голосом, хотя внутри все кипело. — Почему вы не спите?

— Мы выспались! — объявила одна.

— Ага! — подтвердила вторая.

— А мама вам не говорила, что в пять утра дети должны спать?

— Мамы нет, — резонно заметила Варя. — Ты же сам сказал, сегодня день без плавил.

Я закрыл глаза.

Глубоко вдохнул. Выдохнул. Открыл глаза. Они никуда не делись. Стояли, две маленькие фурии в одинаковых пижамах, с лейками в руках и невинными глазами.

— Ладно, — сдался я. — Раз вы уже проснулись, пойдёте завтракать.

— Ула! — заорали они и рванули на кухню.

Жужа проводила меня взглядом, полным сочувствия, и потрусила следом.

Кажется, она решила, что от меня теперь не оторваться, если она хочет выжить в этом доме.

Кухня встретила нас утренним сумраком и горой посуды, которую я не помыл с вечера. На столе стояла коробка из-под пиццы, на полу валялись крошки, а в раковине красовалась кастрюля, в которой когда-то был суп, но теперь там, кажется, зарождалась новая форма жизни.

— Пап, мы кушать хотим! — напомнили девочки.

— Сейчас, сейчас, — я лихорадочно соображал. — Что вы едите на завтрак?

— Кашу! — хором.

— Какую?

— Манную! — сказала одна.

— Рисовую! — сказала вторая.

Я понял, что снова попал.

— Так, — я открыл холодильник. Молоко было. Крупы... в холодильнике круп не было. Хм... а где же их искать?

Я заметался по кухне, открывая шкафчики. Рис нашелся. Манка нашлась. Отлично. Буду варить две каши.

— А с чем каша? – спросила Вера.

— С маслом?

— С вальенъем! – потребовала Варя. – Малиновым.

— Со сгусёнкой! – возразила Вера. – Люблю сгусёнку, очень-очень. Даже больше Жужи.

Я закрыл глаза и мысленно перенесся в свой кабинет, где перед важными переговорами всегда была тишина, пахло кофе и никто не требовал кашу с вареньем одновременно.

— Будет с маслом, – категорично заявил я, – варенье отдельно. Сгущенка тоже отдельно. Все будут довольны?

Девочки переглянулись и кивнули.

Я поставил две кастрюли на плиту. В одну насыпал рис, в другую – манку. Залил молоком. Зажег огонь. И тут зазвонил телефон.

Юля! Боже! Любимая!

Я схватил трубку.

— Алло! Юль? Это правда ты?! – чуть не плача спросил я, все еще не веря, что говорю с женой.

— Ну как вы там? – голос жены звучал устало, но с нотками любопытства.

— Юля!!! – заорали девочки, бросаясь к телефону. – Мама! Мама позвонила!

— Тише, тише, – я попытался удержать телефон, но они вырвали его и начали тараторить наперебой:

— Мама, мы пищу ели!

— А папа нам лазрешил!

— А Жужа тоже ела!

— А мы папу полили из лейки!

— Он тепель цветочек!

— Кого полили? – донеслось из трубки.

— Меня полили, – мрачно сказал я, забирая телефон. – Лейками. В пять утра.

Юля фыркнула. Кажется, сдерживала смех.

— Справишься?

— Конечно! – бодро соврал я. – Все под контролем. Вот кашу варю.

— Кашу? – голос Юли стал подозрительным. – Какую?

— Две. Рисовую и манную.

— Одновременно?

— Ага.

— Андрей, – медленно сказала Юля. – Ты обе кастрюли на плите держишь?

— Ну да.

— А огонь какой?

— Средний.

— Андрей... – начала она, и в этот момент я почувствовал запах.

Горелый запах.

— Юль, я перезвоню! – бросил я и кинулся к плите.

Манка сбежала.

Она выползла из кастрюли, как вулканическая лава, и теперь застывала на плите белой массой, источая аромат паленного молока. Рисовая каша вела себя приличнее, но тоже норовила выпрыгнуть.

— Пап, каша убегает! – закричали девочки.

— Вижу!

Я схватил полотенце, попытался убрать кастрюлю с манкой, обжегся, выронил полотенце, задел кастрюлю с рисом, та накренилась, и часть рисовой каши отправилась в путешествие вслед за манкой.

Через минуту кухня напоминала поле битвы.

На плите дымились две кастрюли, на полу белели лужицы каши, в воздухе пахло гарью, а я стоял посреди этого апокалипсиса с красной рукой и чувством полного поражения.

— Пап, – сказала Варя, заглядывая в кастрюли. – А это съедобное?

Я посмотрел на то, что осталось от каши. Рисовая превратилась в подгоревший комок, манная – в резиноподобную массу с коркой.

— Нет, – честно признался я. – Это не съедобное.

— А что мы тогда будем есть?

Я посмотрел на часы. 6:15 утра.

— Хлопья с молоком, – сказал я обреченно.

— Ула! – заорали девочки. – Хлопья!

Жужа, наблюдавшая за всем этим с порога, покачала головой и ушла в коридор. Кажется, она решила дистанциро-

ваться от провалившегося повара. И я был этому только рад. День еще только начинался, а я уже вымотался как собака и мечтал только об одном – свалить на работу.

Глава 9. Меня снова развели. Четырехлетки.

— Варя, убери ложку от тостера! – крикнул я, разливая молоко по тарелкам.

— Я не Валя, я Вела! – ответила дочка, продолжая засовывать ложку в тостер.

— Ты Вера? – я обернулся. – А кто тогда Варя?

— Я Валя, – сказала вторая, сидящая за столом. – А Вела это она.

— Но минуту назад ты была Верой! – взвыл я.

— Не-а, – улыбнулась Варя.

— Ага, – подтвердила Вера, вытаскивая ложку из тостера (ложка была черной от сажи, потому что тостер, видимо, никогда не чистили). – Ты нас плосто путаешь.

Я понял, что так дальше нельзя.

— Так, – я решительно подошел к шкафу, где висела одежда. – Сейчас я вас одену. И больше никогда не перепутаю.

Я открыл шкаф и замер. Вещи лежали аккуратными стопочками, но какие из них чьи? Все одинаковые.

— Девочки, – позвал я. – А где ваша одежда?

— В шкафу, – хором.

— Я вижу. А где чья?

— Ну, это Велино, — Варя ткнула в стопку розового. — А это мое, — ткнула в стопку голубого.

Я посмотрел. Розовое и голубое. Отлично. Теперь я запомню.

Я достал из розовой стопки красивое платье, гольфы и бантик. Из голубой — джинсы, футболку и бейсболку.

— Так, — сказал я, протягивая розовое Вере, а голубое Варе. — Одевайтесь. И запомните: Вера у нас в розовом, Варя в голубом. Теперь я вас ни за что не перепутаю.

Девочки переглянулись. В их глазах мелькнуло что-то... но я решил не обращать внимания.

Через десять минут они стояли передо мной. Вера в розовом платье, белых гольфах и с огромным бантом на голове — настоящая принцесса. Варя в джинсах, футболке с единогом и бейсболке козырьком назад — маленький хулиган.

— Красота, — довольно сказал я. — Теперь-то я вас точно не перепутаю.

Вера улыбнулась. Варя хихикнула.

— А волосы? — спросила вдруг Варя.

— Что волосы?

— У Велы волосы длинные, а у меня колоткие, — напомнила Варя. — У нас лазные плически. Неужели не видно, пап?

Я посмотрел. Действительно. У Веры волосы до плеч, у Вари — чуть короче. Но из-за банта у Веры это было не так заметно.

— Все равно, — решил я. — По одежде буду ориентировать-

ся. Вера – платье. Варя – джинсы. Договорились?

— Договорились! – кивнули они.

— А теперь завтракать!

Мы сели за стол. Хлопья с молоком пошли на ура.

Жужа получила свою порцию корма (я даже нашел, где он лежит, чем очень гордился) и теперь довольно чавкала в углу.

— Пап, – сказала Варя (в джинсах, значит, точно Варя). – А мы сегодня пойдем гулять?

— Пойдем, – пообещал я. – В парк.

— На калусели?

— На карусели.

— Ула!

— А мороженое будет?

— И мороженое будет. Обязательно.

Я смотрел на них и улыбался. Кажется, начинало получаться.

С кашей, конечно получился полный провал, но хлопья выручили, а значит это победа. С одеждой тоже было найдено решение. Что может пойти не так?

— Пап, – вдруг сказала Вера (в платье, все правильно). – А ты знаешь, что Валя не любит бейсболки?

Я замер.

— Что?

— Она не любит, – подтвердила Варя, стягивая бейсболку с головы. – У меня от нее голова чешется.

— Но ты же сама сказала, что это твоя одежда!

— Это моя, — кивнула Варя. — Но я ее не люблю. Я люблю платье.

— А я люблю джинсы! — заявила Вера. — И бейсболки!

Я посмотрел на них. На Веру в платье, которое она, оказывается, не любит. На Варю в джинсах, которые она, оказывается, тоже не любит.

— Так вы что, — медленно проговорил я. — Специально перепутали?

— Мы не пелепутали, — Варя сделала невинные глаза. — Ты сам сказал: Вела — в лозовом, Валя — в голубом. Мы надели то, что ты дал.

— Но вы же знали, что я дал вам чужую одежду!

— Ты не сплосил, — пожала плечами Вера. — Ты просто дал.

Я закрыл глаза. Меня снова развели. Четырехлетки. Второй раз за сутки.

— Ладно, — сказал я, открывая глаза. — Снимайте все. Будем одеваться заново. И теперь вы мне будете говорить, что любите, а что нет. Понятно?

— Понятно, — кивнули они.

Через полчаса мы наконец были готовы.

Вера была в джинсах и футболке с котиками. Варя — в розовом платье и с бантиком. Я седой, хотя седина еще не успела появиться, но уже чесалась и рвалась.

— Пап, — сказала Варя, когда я обувался. — А мы сего-

дня будем маме звонить?

— Будем, — пообещал я. — Вечером.

— А она нас любит?

— Очень.

— А тебя?

Я завязал шнурок и посмотрел на нее.

— Надеюсь, что да, доча. Очень надеюсь.

— А Жужа?

Жужа, услышав свое имя, подняла голову.

— Жужа любит колбасу, — философски заметила Вера.

— Это главное.

Я рассмеялся. Впервые за это утро.

— Пошли, — сказал я, открывая дверь. — Покорять парк, карусели и мороженое.

— А Жужу возьмем?

— А Жужа останется дома. Охранять территорию.

Жужа посмотрела на меня с выражением "я тебе это припомню" и гордо удалилась в гостиную, где на диване ее ждало любимое одеялко.

— Она обиделась, — заметила Варя.

— Пусть обижается, — я был неумолим. — С собаками на карусели не пускают.

— А с папами пускают?

— С папами пускают. Особенно с такими, которые уже ничего не боятся после двух часов ада с утра.

Девочки захихикали и выбежали на улицу.

Я закрыл дверь, проверил, взял ли ключи, и вышел вслед за ними.

Солнце светило. Птицы пели. Где-то далеко, в санатории, моя жена пила кофе и, надеюсь, скучала по нам.

А у меня начинался второй день.

Оставалось тринадцать.

Но сейчас, глядя на двух счастливых девчонок, прыгающих по дорожке, я вдруг подумал: а может, не так уж это и страшно?

— Пап! — крикнула Вера. — А ты нас не потеряешь?

— Ни за что! — крикнул я в ответ.

— А мы тебя потеряем?

— А вот меня попробуйте потерять! — я ускорил шаг. — Я сам вас найду!

Они засмеялись и побежали вперед, к воротам, к солнцу, к новому дню.

А я побежал за ними.

Потому что это и есть счастье.

Даже если оно начинается в пять утра с лейки с водой.

Глава 10. Ты на папу смотришь, как Жужа на колбасу!

Парк встретил нас солнцем, шумом деревьев и десятков таких же счастливых родителей, которые, как и я, пытались выжить в эти две недели.

Я чувствовал с ними какое-то братство по несчастью.

Мы обменивались понимающими взглядами, когда мимо пробежали орущие дети, и молчаливо желали друг другу удачи.

— Пап, смотри! Калусели! — заорала Варя и рванула в сторону ярких огоньков.

— Варя, стой! — крикнул я, но она уже была в десяти метрах. Вера рванула за ней.

Я побежал. Наверное, это выглядело смешно, но мне было не до смеха. Я вдруг почему то представил, как теща спрашивает: "А где Варя, Андрей?", а я такой: "Не знаю, Татьяна Ивановна".

Догнал я их уже у кассы.

— Так, — отдышался я. — Сначала билеты, потом карусели. И не разбегаться! Договорились?

— Ага! — хором, но глаза уже бегали по сторонам, высматривая, что бы еще захватить.

Я купил билеты.

Десять штук.

На все аттракционы.

Мы покатались на лошадках, на машинках, на паровозике и даже на какой-то огромной стрекозе, которая поднималась вверх и кружилась. Девочки визжали от восторга. Я держался за поручни и молился, чтобы меня не стошнило на глазах у детей.

— Пап, еще! – требовали они после каждого аттракциона.

— Вы уверены? – спрашивал я, чувствуя, как желудок подступает к горлу.

После пятого круга на карусели я понял, что мне срочно нужен перерыв.

— Девочки, — сказал я, когда они вылетели из очередного аттракциона. — Может быть по мороженому?

— Моложенки, моложенки! — заорали они и тут же забыли про карусели.

Мы пошли к ларьку.

Я купил два шоколадных рожка девочкам и один себе, просто чтобы было с чем сидеть на лавочке и смотреть, как они пачкаются.

Мы устроились на скамейке в тени большого дуба.

Девочки сосредоточенно ели мороженое, размазывая его по щекам, носу и, кажется, даже по ушам. Я смотрел на них и чувствовал, как внутри разливается то самое тепло, о котором пишут в книгах про отцовство.

— Пап, — сказала Вера с коричневыми усами от шоколада.

— А у тебя тоже усы.

Я улыбнулся и вытерся салфеткой.

— А мама говорит, что ты класивый, когда улыбаешься,

— добавила Варя.

У меня кольнуло в груди.

— Правда?

— Ага. Она это говорила, когда думала, что мы не слышим.

Я отвернулся, чтобы они не заметили, как защипало в глазах. Дурак. Какой же я дурак.

— Пап, а почему ты грустишь? — спросила Вера.

— Я не грущу, доча. Я счастлив.

— Тогда почему у тебя глазки мокрые?

— Это от солнца, — соврал я.

— Солнце сзади, вообще то, — резонно заметила Варя.

Я уже открыл рот, чтобы придумать новую отмазку, как вдруг услышал знакомый голос:

— Андрей Романович? Какая неожиданная встреча!

Я замер. Медленно повернул голову.

К нашей скамейке подходила Женя. В белоснежной блузке, строгих брюках, с идеальной укладкой и такой улыбкой, от которой у нормальных мужиков должны подкашиваться колени. У меня же подкосилось что-то другое — кажется, чувство самосохранения.

— Женя? — выдавил я. — Ты что здесь делаешь?

— Гуляю, — пропела она, стреляя глазами. — Выходной,

солнце, парк... Решила проветриться. А вы, я смотрю, тоже отдыхаете?

Она перевела взгляд на девочек.

Те смотрели на нее с таким выражением, с каким обычно смотрят на незнакомых людей, вторгшихся на их территорию.

— А это, наверное, ваши дочки? — Женя присела на корточки перед ними. — Какие милые! И такие одинаковые! Как вас зовут, девочки?

Девочки переглянулись. Потом посмотрели на меня. Потом снова на Женю.

— Я Вела, — сказала та, что была в джинсах.

— А я Валя, — сказала та, что была в платье.

Я даже удивился. Впервые они назвались правильно без моих подсказок.

— А вы кто? — спросила Варя, с подозрением разглядывая Женину блузку.

— Я тетя Женя, — улыбнулась помощница. — Я работаю с вашим папой.

— А, — протянула Вера и посмотрела на Варю. — Это та самая тетя, из-за которой мама плакала?

У меня внутри все оборвалось. Женя замерла с открытым ртом.

— Что? — переспросила она.

— Мама говорила, что ты на папу смотришь, как Жужа на колбасу, — пояснила Варя. — А Жужа это наша собака. Она

очень любит колбасу.

Я закрыл глаза. Господи, за что?

Женя попыталась сохранить улыбку, но она вышла кривоватой.

— Какие забавные дети, – процедила она сквозь зубы. – Андрей Романович, а может, посидим где-нибудь? Я как раз не обедала, а тут рядом такое милое кафе...

— Вообще-то мы... – начал я.

— Да! – перебила Вера. – Мы хотим кушать! Плавда, пап.

— Ага! – поддержала Варя. – Спагетти хотим с мясом в кетчупе!

Я посмотрел на Женю.

Женя смотрела на меня с надеждой.

Я посмотрел на девочек.

Девочки смотрели на Женю с таким выражением, будто прикидывали, на сколько кусков ее можно разрезать.

— Ну... – я колебался. С одной стороны, у меня не было ни малейшего желания сидеть с Женей в кафе. С другой, она моя помощница, неудобно отказывать. С третьей, девочки хотели спагетти. – Ну, хорошо.

— Отлично! – Женя уже взяла ситуацию в свои руки. – Пойдемте, я угощаю.

Она схватила Веру за руку. Вера дернулась, но не вырвалась. Только посмотрела на меня с выражением "ты это видел?".

Я вздохнул и поплелся за ними.

Кафе называлось "Ласточка". Миленькое такое местечко с белыми скатертями, живыми цветами на столах и официантами в бабочках. Мы сели за столик у окна. Женя напротив меня, девочки с двух сторон.

— Какие милые девочки, – щебетала Женя, разворачивая салфетку. – А сколько вам лет?

— Четыле, – буркнула Вера.

— А у вас муж есть? – вдруг спросила Варя.

Женя поперхнулась водой.

— Что?

— Муж? – повторила Варя. – У мамы есть папа, а у вас есть кто?

— Ну... пока нет, – Женя стрельнула в меня глазами.

— А дети?

— Ва-аря, – вмешался я. – Прекращай смущать тетю Женю.

— Почему? – удивилась Варя. – Мы же познакомились. Надо все узнать про человека, когда ты его первый раз видишь. Мама так говорит.

Женя нервно хихикнула.

— Какие у вас воспитанные дети, Андрей Романович. Прямо маленькие взрослые.

— Ага, – согласился я. – Особенно когда не поливают меня водой из леек в пять утра.

Девочки захихикали, а Женя посмотрела на них с недоумением.

Принесли меню.

Девочки синхронно ткнули пальцами в спагетти. Женя заказала себе какой-то салат и бокал вина. Я ограничился кофе. После утренней каши есть не хотелось.

— Вы так замечательно справляетесь с детьми, — Женя наклонилась ко мне, демонстрируя декольте. — Один, без жены... Это же так сложно.

— Нормально, — я отодвинулся. — Справляюсь.

— А где, кстати, ваша супруга? — Женя сделала вид, что спрашивает просто из вежливости, но глаза у нее горели.

— В санатории, — ответил я коротко.

— Надолго?

— На две недели.

— О-о-о, — протянула Женя с таким выражением, будто я сказал, что Юлия улетела на Марс навсегда. — Значит, вы теперь свободны?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.